

СУЩИСКИЙ И. И.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ АКЦЕНТИРОВАНИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

(На материале немецкого языка)

Вербальная коммуникация реализуется, как известно, при помощи высказываний [1—3]. Анализ речевых актов показывает, что некоторые высказывания имеют одноаспектную логико-коммуникативную природу, ограничиваясь лишь сообщением какого-либо факта без указания на отношение говорящего/пишущего к сообщаемому. Однако нередко высказывания имеют бинарную логико-коммуникативную структуру [4, 5]. В таких высказываниях, с одной стороны, содержится определенная информация о каком-либо факте (объективно-модальный аспект, или диктум высказывания), а с другой стороны, выражается то или иное субъективное отношение говорящего/пишущего к тому, что излагается, что составляет субъективно-модальный аспект, или модус высказывания. Спектр субъективно-модальных значений богат и разнообразен. Одной из форм проявления личного отношения говорящего к содержанию высказывания считается также акцентирование, подчеркивание, выделение [6, с. 217]. Несмотря на частое использование этого термина в лингвистике, он, к сожалению, до сих пор не получил однозначного и общепринятого определения. В лингвистических работах, касающихся вопросов акцентирования, либо приводятся общие, нечеткие, упрощенные определения, либо они отсутствуют как таковые вообще. Так, по мнению Е. С. Скобликовой, коммуникативная акцентировка представляет собой подчеркивание тех или иных частей предложения в зависимости от задач высказывания [7, с. 10—11]. Т. М. Николаева, внесшая значительный вклад в разработку проблем акцентирования, предлагает две различные дефиниции. В более ранних трудах она толкует акцентирование как общую категорию текста, назначение которой состоит в синтагматическом или парадигматическом противопоставлении одного элемента текста другим его элементам [8, с. 52]. В своей более поздней работе Т. М. Николаева определяет акцентирование иначе: «Акцентное выделение — это обозначение, может быть, и неудачное, активной для восприятия выделенности просодическими средствами какого-либо слова во фразе» [9, с. 3]. В некоторых работах акцентирование толкуется как сугубо фонетическое явление, используемое в коммуникативных целях для подчеркивания одного или нескольких элементов высказывания, которые таким образом должны получить особую коммуникативную весомость по сравнению с другими невыделенными элементами [10, с. 854]. Однако вряд ли можно безоговорочно согласиться с такими узкими и односторонними интерпретациями феномена акцентирования, т. к. они, на наш взгляд, далеко не в полной мере отражают сущность этого полифункционального и многогранного явления, его назначение в коммуникации. Тем более, что

акцентирование в действительности может достигаться не только при помощи фонетических, но и других средств языка, а акцентированию могут подвергаться не только слова, словосочетания, но и предложения, абзацы и целые тексты. Недостаточное внимание в теоретическом отношении к категории акцентирования со стороны лингвистов можно отчасти объяснить тем, что, по их мнению, это явление простое, очевидное, чисто формальное, лишенное всякого смыслового содержания и выполняющее в речи лишь вспомогательную организационно-формительскую функцию. На самом же деле эта категория, как это будет показано ниже, имеет как свое специфическое многообразное формальное выражение, так и специфическую семантику, и играет в речи важную коммуникативно-прагматическую роль. Вот почему лингвистическая разработка категории акцентирования, которая принимает непосредственное участие в логическом и структурном формировании речи, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

В общем можно сказать, что исследование акцентирования находится все еще на начальном этапе, о чем свидетельствует широкий и разнообразный круг проблем, связанных с этой категорией. В частности, в существующих работах не содержится удовлетворительных сведений ни о самой природе, ни о функциях, ни о специфических характеристиках, ни о коммуникативном назначении этого феномена. Не выявлены особенности референциального значения этой категории, не определен ее лингвистический статус. Дискуссионным является вопрос об отношении категории акцентирования к таким категориям, как фокусировка (актантное членение), актуализация, актуальное членение, эмфаза, экспрессивность и эмоциональность. До сих пор не вскрыты причины, порождающие акцентирование в коммуникации, и т. д. В предлагаемой статье мы сосредоточим внимание преимущественно на следующих кардинальных вопросах: выяснение типичных признаков акцентирования, особенностей его семантики, определение его функций и коммуникативного назначения, его роли в вербальной коммуникации, уточнение лингвистического статуса акцентирования. Решение перечисленных проблем должно внести определенный вклад в развитие коммуникативной лингвистики.

Принимая во внимание существующие формулировки акцентирования и опираясь на свои собственные наблюдения за функционированием этого явления в речи, можно предварительно предложить следующее исходное рабочее определение этого понятия. **А к ц е н т и р о в а н и е** — это резкое выделение при помощи специальных средств (фонетических, морфологических, синтаксических, лексических и графических) тех или иных элементов речи, которые, по мнению говорящего, представляют особую коммуникативную значимость, чтобы этим самым привлечь к ним внимание собеседника, утвердить свою точку зрения и оказать на него целенаправленное и преднамеренное оптимальное воздействие. Однако для того, чтобы объективно, точно и полно определить понятие акцентирования, вскрыть его сущность и назначение в коммуникации, нужно прежде всего выявить его функции, характерные свойства и специфику референциального значения. Для этого необходимо обратиться непосредственно к примерам, в которых в явной форме содержится акцентирование определенных элементов высказывания, достигаемое разными средствами. Только учет акцентуаторов во всей их совокупности и многообразии позволит получить реальную и полную картину механизма исследуемого явления.

Рассмотрим сначала одно из наиболее простых и излюбленных средств акцентирования — специальное усиленное ударение, которое мы будем

называть в дальнейшем эмфатическим (ЭУ) и которое отличается от фразового (ФУ) или логического не только в акустическом, но и функциональном и даже позиционном отношениях [11—15]. Во-первых, ЭУ, в отличие от ФУ¹, более сильное, более громкое ударение. Оно придает большую длительность и более высокий тон тому элементу высказывания, на который говорящий хочет обратить специальное внимание своего собеседника в данной речевой ситуации. Во-вторых, наличие ФУ в любом предложении строго обязательно, т. к. оно маркирует самую важную часть сообщения, которая заключает в себе новую информацию, обозначаемую в лингвистике как информативный центр, ядро высказывания, коммуникативный центр, предиктируемая часть, рема или информационный фокус [16—19]. При объективном словопорядке информационный фокус находится всегда в конце предложения, поэтому ФУ называется еще автоматизированным: *Er wird Ihnen eine Ballade vortragen* (E. Kästner, Fabian). Как видим, ФУ наслаивается на словесное, но в отличие от последнего более напряженное и громкое. ФУ во взаимодействии с другими компонентами интонации выполняет следующие функции: участвует в оформлении коммуникативного типа высказывания и организации звукового облика фразы в единое целое, придавая фразе интонационную завершенность и целостность, и выделяет всегда рематическую часть высказывания [20—21]. ФУ, как и словесное ударение, падает на знаменательные слова и никакой дополнительной информации, кроме той, которая непосредственно содержится в каждом конкретном высказывании, не привносит. Эти различия особенно отчетливо просматриваются при сопоставлении фраз, маркированных ФУ и ЭУ: 1) *Konrad fährt nach Leipzig*; 2) *Konrad fährt nach Leipzig*. Первая фраза, оформленная ФУ, которое падает на последнее слово, произносится с нейтрально-информативной интонацией и ограничивается только констатацией факта, что Конрад едет в Лейпциг. Вторая фраза, помеченная ЭУ, кроме эксплицитного сообщения «Конрад едет в Лейпциг», содержит еще имплицитное указание на контраст между утверждаемым фактом и фактом предполагаемым или высказанным ранее собеседником. Поэтому фраза с ЭУ допускает следующее толкование: «Конрад едет именно в Лейпциг, а не в город X, как это утверждается или предполагается». Как видим, здесь акцентирование связано не только с контрастивностью, но и с корректировкой информации. ЭУ присуще высказываниям потенциально. Его реализация может быть обусловлена интенциями говорящего, констатирующей или пресуппозицией собеседника. Что касается функций ЭУ, то они более многообразны и носят иной характер. Анализ фраз, в которых присутствует ЭУ, показывает, что в большинстве случаев оно выполняет следующие задачи: а) резкое выделение какого-либо элемента высказывания; б) подтверждение истинной точки зрения высказывания, противоположной ошибочной, высказанной или упомянутой ранее или просто пресуппозированной; в) имплицитное привнесение адверсативной добавочной информации («а..., а не..., вопреки утверждаемому, предполагаемому или ожидаемому» — «und nicht..., sondern..., aber..., entgegen der Behauptung, Vermutung, Erwartung»). Следовательно, при помощи ЭУ говорящий имеет возможность в компактной, свернутой форме сообщить гораздо больше, нежели это эксплицитно лексико-грамматическим материалом высказывания.

¹ ФУ будем обозначать одной наклонной черточкой (/) в отличие от ЭУ, обозначаемого двумя наклонными черточками (//).

В этом легко убедиться на примере следующей высказывания *Martin hat das getan*, коммуникативно-прагматическое содержание которого можно парафразировать следующим образом «Es ist der Fall, daß Martin derjenige ist, der das getan hat + Entgegen der Behauptung bzw. Annahme + Es ist nicht der Fall, daß Martin derjenige ist, der das getan hat». Как вытекает из парафраз, акцентирование в данном случае выражает еще идентифицирующее значение «именно», о чем свидетельствует возможность синтаксической трансформации, в которой значение отождествления выражено в явной форме. Например: *Nicht ich habe das behauptet = Ich bin es nicht, der das behauptet hat, sondern jemand anders*. Как показывают многие примеры, фразы, содержащие ЭУ, по сути дела не содержат какого-либо нового факта: в них лишь корректируется, уточняется информация об этом факте. При этом противопоставляемый элемент либо presupпонируется, либо вербально выражен непосредственно в самом акцентированном высказывании, либо в предшествующем: *Du hast keinen Ehrgeiz. das ist das Schlimme. — Ein Glück ist das* (E. Kästner. Fabian).

Итак, ЭУ, в отличие от ФУ, как видим, имеет не только специфический формальный, но и содержательный аспект, т. е. ЭУ — это семантико-фонологический гибрид. Так как ЭУ способно часто порождать значение контрастивности, то некоторые лингвисты называют его, и в известной мере не без основания, контрастивным ударением [22—24]. Однако необходимо отметить, что ЭУ не всегда связано со значением контрастивности. В этом легко удостовериться, если вспомнить о высказываниях типа *Hände hoch! Die Tür zu! Vor Zugluft schützen!* Во всех этих фразах несомненно содержится просодическое акцентирование, однако значение контрастивности тем не менее отсутствует. Здесь основной задачей акцентирования является подчеркивание особой коммуникативной важности сообщаемого факта в условиях данной речевой ситуации, спиюминутное и мгновенное сосредоточение внимания адресата на акцентируемом и активное побуждение его к обязательному выполнению того, о чем ему напоминают или к чему его призывают или побуждают. И в ряде других случаев ЭУ во взаимодействии с иными просодическими средствами не имплицитно контрастивное значение или информативно-корректирующее, а ограничивается исключительно подчеркиванием, точнее говоря, подтверждением собственной точки зрения говорящего, например: *«Kommst du heute zu mir?» — «Sichers»*. Присутствует или отсутствует значение контрастивности во фразах, акцентированных посредством ЭУ, можно проверить, используя прием подстановки единиц «sondern...», «aber...», «und nicht...» после подчеркнутого элемента в речи. Допустимость такого добавления подтверждает наличие в ЭУ адверсативного смысла, невозможность такого распространения свидетельствует об отсутствии этого значения. Ср.: *Nicht P hat das getan (sondern K.) P hat das getan (und nicht K). Geld her!* Учитывая эту особенность, представляется более оправданным называть специальное, особой силы ударение не контрастивным, а именно эмфатическим. К сказанному следует добавить, что ЭУ — это дискурсивное явление, указывающее на зависимость акцентированного элемента высказывания от предшествующего контекста. Например: *«Und Sie behaupten immer, das Höchste im Sozialismus ist die Familie!» — sagt Schneider, «Der Mensch, — sagt er, — Der Mensch ist das Höchste»* (D. Noll. Doktor Kippenberg).

Поскольку при использовании ЭУ не только постоянно реализуется значение подчеркивания, но и на первый план всегда выступает значение акцентирования особой коммуникативной важности выделяемого элемента, то сему акцентированию можно считать семантической доминантой

и константой значения акцентирования. Анализ речевых актов свидетельствует о том, что ЭУ всегда неразрывно связано с элементами речи, которые, по оценке говорящего, являются в условиях данной речевой ситуации наиболее важными и к которым он хочет привлечь специальное внимание своего собеседника. Это значит, что ЭУ участвует всегда в фокусировке, т. е. в манифестации как конечного, так и контрастивного фокуса [25]. Кроме указанных выше различий различие между ЭУ и ФУ состоит также в том, что для ФУ важным является оппозиция «данное/новое», «новое/старое», «неизвестное/известное», «неопределенное/определенное», «тема/рема», «упомянутое/неупомянутое», «топик/ядро» [26—28], ибо ФУ маркирует всегда только тот член предложения, который содержит что-то новое (рему, неупомянутое, неопределенное, неизвестное). Для ЭУ это совершенно не существенно. Оно может выделять как то, так и другое, что можно проиллюстрировать на следующих примерах: *Morgen reden wir über alles.* — *Hütel!* (H. Schneider. *Flucht ins Verderben*). *Es ist nicht ein Verfahren.* *Es ist das Verfahren* (D. Noll. *Doktor Kippenberg*). ЭУ в отличие от ФУ может выделять и анафорические единицы, которые по своей семантике указывают на упомянутое или отсылают к ранее сказанному: «*An Ihnen liegt es*», *sagt Boskow*, ... «*Von Ihnen müssen die Parameter kommen!*» (D. Noll. *Doktor Kippenberg*). Далее ЭУ отличается от ФУ позиционно. Оно может падать не только на ударные (знаменательные) слова, но и на безударные (служебные части речи). В частности, ЭУ могут получать даже неотделяемые префиксы (*Das Schiff wird nicht entladen, sondern beladen*), вспомогательные и модальные глаголы (*Er hat das schon getan; Ich wollte, aber ich könnte nicht arbeiten*), местоимения (*Er ist an allem schuld*), неопределенный или определенный артикли (*Ich habe ein/das Heft gekauft*), предлоги (*Ist er für oder gegen meinen Vorschlag?*). Более того, ЭУ может подчеркивать даже такие единицы, как неопределенно-личные местоимения (*jemand, man*), которые, по мнению Харвега [29], не контрастивны по своей семантике: *Da hören wir es ja wieder: man! Man ist gar nichts*, ... (H. Fallada. *Ein altes Herz*).

Наблюдения показывают, что в устной форме общения ЭУ используется весьма активно. Очевидно, это объясняется тем, что ЭУ является мобильным и гибким средством акцентирования, наделенного уникальным свойством варьировать коммуникативно-прагматические интенции говорящего в рамках одного и того же предложения с тождественным лексико-грамматическим материалом. Ср., например: *Ich (und nicht P) schenke (und nicht verkaufe) ihr (und nicht ihm) ein Uhr (und nicht eine Kette)*. Способность ЭУ порождать на базе одинаковой синтаксической структуры с одинаковым лексико-грамматическим составом множество по-разному актуализированных коммуникативных единиц говорит о том, что ЭУ является также одним из важнейших средств актуализации предложений — осуществления высказывания [30—32]. Что касается эмоциональности и экспрессивности, то они не являются неотъемлемыми компонентами семантики ЭУ, как об этом свидетельствуют речевые факты. К примеру, в следующих высказываниях акцентирование бесспорно присутствует. Однако вряд ли правомерно утверждать наличие эмоциональности и экспрессивности в этих синтаксических единицах: *Bitte, diese Tür schließen!* *Das Zimmer ist nicht groß, sondern klein*. Наблюдения за функционированием ЭУ в речи показали, что его реализация предполагает обязательное наличие трех существенных экстралингвистических факторов: а) определенная взаимная осведомленность говорящих о предмете речи (наличие фоновых

знаний), б) набор ограниченного числа возможных альтернатив, пригодных для данной речевой ситуации и известных для обоих партнеров по общению и в) утверждаемая альтернатива, т. е. выбор одной из имеющихся возможностей, которая в условиях данной речевой ситуации соответствует истинному положению вещей.

Не менее важным и действенным средством реализации акцентирования являются лексические акцентуаторы, которые довольно часто употребляются как в устной, так и в письменной формах общения. К ним мы относим акцентирующие частицы [33], потенциаторы (интенсивы, интенсификаторы) [34]. Рассмотрим сначала некоторые из акцентирующих частиц. Для выявления их отличительных свойств будем пользоваться такими лингвистическими приемами, как сопоставление, пермутация, замена и парафразирование. Так, при сопоставлении фраз 1) *Paul will ihm helfen* 2) *Ausgerechnet Paul will ihm helfen* легко обнаруживаются следующие различия, которые и являются характерными признаками акцентирующих частиц. Первая фраза, оформленная нейтрально-информативной интонацией, сообщает просто факт, что П. хочет ему помочь. Во второй фразе сообщается тот же факт, однако использование частицы придает высказыванию добавочное значение: а) резкое выделение наиболее важного в коммуникативном отношении элемента речи, б) отождествление (именно Пауль и никто другой), в) имплицитное значение «вопреки ожиданиям, предположениям» + выражение какого-либо чувства говорящего. Иными словами, более насыщенный смысл второй фразы можно было бы передать при помощи следующих парафраз: «Пауль хочет ему помочь. Этого я (говорящий) от него не ожидал. Это меня удивляет». Помимо того, акцентирующая частица участвует здесь в тематизации, т. е. в подчеркивании члена предложения, который уже известен, упоминался, на что указывает имя собственное. Если обратиться к примерам с другими частицами, то мы увидим, что они также выполняют целый комплекс задач: *Über die Zuverlässigkeit von Untersuchungsschaft haben nur die Richter zu entscheiden* (Verfassung der DDR). Во-первых, акцентирующая частица *nur* выделяет в этом предложении рематическую часть, принимая участие в фокусировке. Во-вторых, частица эксплицитно придает высказыванию значение ограничения и имплицитно значение противопоставленности. Однако никакой эмоциональности и экспрессивности этот акцентуатор данному высказыванию не сообщает. Противопоставляемый элемент подчеркнутого члена предложения в тексте вербально не выражен. Он просто presupпонируется, т. е. выделенное слово имеет внеконтекстный ассоциативно противопоставляемый элемент. В других случаях добавочное значение контрастивности, имплицитированное в семантику частицы *nur*, может быть эксплицитировано в предшествующем либо последующем контексте: *Es ist auch seine Sache. Nicht nur die deine* (R. Flierl. Die Freundin). Выяснилось, что почти каждая акцентирующая частица имеет не только общие черты, присущие этому классу слов, но и свои индивидуальные черты [35—36], свои собственные presupпозиции. Например, в предложении *Selbst Paul hat mich unterstützt* частица *selbst* помимо маркирования фокуса и резкого выделения темы передает в скрытой форме дополнительный смысл, который можно описать так: «Вопреки моим ожиданиям» + «к моему удивлению» + «другие тоже». Различия между акцентирующими частицами четко проявляются при их замене, что приводит к изменению коммуникативно-прагматического содержания высказывания. Ср., например: *Lediglich (sogar, ausgerechnet, nicht einmal) er sagt uns die Wahrheit*.

Наблюдения за функционированием акцентирующих частиц в речи

опровергают широко распространенное мнение о том, что они являются только индикаторами ремы. Примеры показывают, что они могут маркировать как рему, так и тему. Таким образом, характерной особенностью акцентирующих частиц, судя по всему, являются их полифункциональность и дополнительная имплицитная информация (по терминологии Т. М. Николаевой «фразы-тени» [37, с. 52—53]). Активное употребление частиц в речи объясняется, по-видимому, их полифункциональностью и способностью в свернутой форме сообщить больше информации, чем это содержится непосредственно в самой фразе. Кроме того, ряд частиц наделен свойством подвижности — изменением местоположения в предложении, — что позволяет в рамках одного и того же предложения с тождественным лексическим наполнением создавать ряд разнокоммуникативных единиц. В то же время немецкий язык имеет в своем распоряжении лексические акцентуаторы, ограничивающиеся исключительно выражением значения подчеркивания («именно это»). Так, из сопоставления следующих двух фраз *Ich sage die Wahrheit; Ich sage die reine (pure) Wahrheit* видно, что обе фразы в содержательном плане не отличаются друг от друга. Объективно-модальный план в любом случае остается без изменения — присутствует или отсутствует акцентуатор. Но во второй фразе при помощи акцентуатора говорящий выражает свое стремление убедить своего собеседника в достоверности излагаемого и вызвать тем самым у него желаемую реакцию. Аналогичные прагматико-речевые функции выполняют лексические акцентуаторы типа *keinesfalls, keineswegs, auf keinen Fall, unter keinen Umständen*, закрепленные за отрицательными высказываниями. К таким акцентуаторам говорящий прибегает в том случае, когда хочет придать своим негативным высказываниям позитивную истинность, подтвердить свою точку зрения и побудить своего собеседника к неприменному разделению этой точки зрения, что в конечном счете способствует оптимальной реализации интенций говорящего и достижению коммуникативной согласованности (консенсуса) между говорящими. К этой группе средств по своим функциям тесно примыкают модальные слова [78—79], подчеркивающие своей семантикой высокую степень уверенности говорящего в реальности сообщаемого, т. е. его убежденность в полном соответствии содержания высказывания действительному положению вещей: *bestimmt, sicher, zweifellos, gewiß* и др. Посредством этих акцентуаторов говорящий стремится не только подкрепить свою точку зрения, но и навязать ее своему собеседнику, заставить его поверить в сказанное. Использование модальных акцентуаторов этой группы в речи обусловлено, как правило, отрицательной пресуппозицией собеседника. Последние две группы акцентуаторов отличаются еще и тем, что они подчеркивают не одно какое-либо слово, а целое предложение. В реализации акцентирования активно участвуют лексемы со значением «высокая степень», которые мы будем называть потенциаторами. Они составляют многочисленную и непрерывно обновляемую группу единиц и в стилистическом отношении делятся на две подгруппы: а) стилистически немаркированные потенциаторы, характеризующиеся немногочисленным и стабильным составом (*überaus, sehr* и др.) и б) стилистически маркированные, наделенные эмоционально-экспрессивной окраской и характеризующиеся постоянным обновлением своего состава: (*kolossal, mächtig, riesig, schrecklich*). Потенциаторы реализуют значение акцентирования возведением динамического или статического признака в высокую степень, указывающую на выход за пределы обычного, общепринятого: *Er ist ein sehr aufgeweckter Junge*. Это своеобразная группа акцентуаторов характеризуется полифункциональностью.

Их функции явственно просматриваются при сопоставлении фраз с наличием или отсутствием потенциаторов. Ср., например: 1. *Sie sind freundlich*; 2. *«Sie sind sehr freundlich»*, — *sagte der Bettler* (E. Kästner. Fabian). Как вытекает из сопоставления, потенциатор *очень* резко выделяет в предложении то слово, которое является ремонотелем и информационным фокусом, сообщает о наличии признака в высокой степени, что всегда указывает на экстраординарность, подтверждает точку зрения говорящего, усиливает достоверность сказанного, повышает его действительность. Потенциаторы при этом способны маркировать как рематическую, так и тематическую часть высказывания.

Таким образом, помимо названных выше сем, в состав семантики акцентирования входят еще «подтверждение» и «высокая степень», «необычность». Немецкий язык имеет богатейший арсенал средств акцентирования на синтаксическом уровне. Остановимся сначала на особом словопорядке. Известно, что в немецком языке при относительной свободе расположения некоторых членов в простом предложении, тем не менее, за каждым членом закреплено наиболее обычное для него место, определяемое синтаксическими и морфологическими факторами. Кроме того, местоположение неглагольных членов определяется принципом функциональной перспективы предложения в зависимости от их коммуникативно-информационной весомости. При нейтральном порядке слов сообщение развертывается в строгой последовательности от темы к реме, причем наиболее важный информативный элемент находится в конце предложения и оформляется в устной речи автоматизированной интонацией [40—43]. Однако в определенных речевых условиях и в зависимости от интенций говорящего нормативные правила могут умышленно нарушаться, т. е. какой-либо член предложения намеренно помещается на необычное для него место, что неизбежно ведет к выделению этих элементов в речи и привлечению к ним внимания адресата. Так, вынос в повествовательном предложении на первое место именной части сказуемого или глагольного сказуемого в форме инфинитива или партиципа II, обстоятельств, дополнений придает этим членам особую коммуникативную весомость: *Lehrer ist er schon; Arbeiten soll er!* In *Weimar wohnt er*. Данный прием акцентирования связан всегда со значением противопоставленности, что подтверждается возможностью добавления единиц со значением адвербативности: *Arzt will er werden (und nicht Lehrer)*. Такой синтаксический прием часто используется в живой разговорной речи, где инициальная позиция является наиболее ударной. Особое местоположение членов в предложении представляет собой частное акцентирование. При этом выделенный элемент может иметь в одних случаях внеконтекстный ассоциативно противопоставляемый элемент, а в других случаях противопоставленный элемент может быть вербально выражен в предшествующем отдаленном или непосредственном контексте. Иногда противопоставляемый член называется в самой акцентированной фразе: *Atomare Äbrüstung und nicht Äufrüstung braucht die Menschheit* (Einheit. 1985. № 2). Такой вид акцентирования способен выделять как тему, так и рему. Обычно использование этого приема акцентирования вызвано стремлением говорящего противопоставить и утвердить свое собственное суждение некоторому ложному, которое он либо предвосхищает, либо оно высказано в речи собеседником: *«Ein Verhör etwa?»* — *«Keine Vernehmung»*, *erwiderte, Wallner. «Unterhalten will ich mich mit dir»* (W. Schneider. Flucht ins Verberben). Попутно заметим, что применение пассива делает также возможным выдвигать в инициальную позицию член предло-

жения, который в действительном залоге являлся бы дополнением и занимал бы в предложении обычное конечное место: *Ein paläontologisch außergewöhnlich bedeutsamer Fund wird von den Forschern des Staatlichen Museums für Naturkunde in Stuttgart untersucht* (Urania. 1983. № 2). Пользуясь таким приемом, пишущий хочет выделить член предложения, являющийся пациентом, чтобы придать ему особую коммуникативную значимость и сосредоточить внимание адресата на объекте, подвергающемся действию. Учитывая это свойство страдательного залога — выделять фокусирующий актант, — некоторые языковеды по праву рассматривают пассив как одно из формальных средств реализации актантной перспективы [44, с. 129—137]. Для акцентирования темы применяются такие синтаксические приемы, как вычленение (*Die Großmutter, die hat ihm alles verziehen*), или экстрапонирование, т. е. выделение темы посредством специальных предложений (*Von der Frau ist zu sagen, daß sie ihm alles verziehen hat*). В качестве средств акцентирования темы могут выступать и некоторые шаблонные словосочетания типа *Was... betrifft*: *Was die Abgrenzung zwischen den Fachsprachen angeht, so gibt es hier gewisse Probleme ...* (L. Hoffmann. Kommunikationsmittel).

В разговорно-обиходном стиле для достижения акцентирования используются специальные фразеологизированные модели предложений, характерными признаками которых являются специфичность структурной схемы, идиоматизм грамматического значения, обязательное наличие конструирующих компонентов модели [45—46]: *Solches Fieber! So eine Frechheit! Welch großer Erfolg! Was für ein Eifer! Wie mich das freut!* Эти структурные схемы предложений вместе с восклицательной интонацией определяют высокую степень статического или динамического признака и эмоциональную оценку говорящего, характер которой зависит от семантики стержневого лексического компонента. Своеобразными акцентуаторами являются схемы, выделяющие рематический член предложения. Их обязательными структурными компонентами выступают указательное местоимение *es* и связка *sein*. Построенные по этой схеме предложения имеют статус главной части сложноподчиненного, в котором придаточная часть представлена относительными предложениями, присоединяемыми относительными местоимениями, например: *Es war Karl Marx, der das soziale Wesen der Technik aufgedeckt hat...* (Urania. 1983. № 11). Структура таких синтаксических единиц (по терминологии Есперсена «расщепленные предложения» [47], по терминологии Алессона «эмфатические конструкции» [48]), дает возможность пишущему выдвинуть в позицию фокуса наиболее коммуникативно важный элемент предложения и привлечь к нему особое внимание адресата. Основным семантическим свойством этих эмфатических [49] предложений следует признать их способность передавать не только эксплицитное значение подчеркивания и отождествления («именно А»), но и имплицитное противопоставительно-корректирующее значение («и никто иной, ничто другое, как это утверждается или предполагается»). Допустимость инверсированного словоупорядка у расщепленных предложений свидетельствует о том, что семантика акцентирования создается здесь структурной схемой в целом, а не только фокусным местоположением выделяемого элемента: *Dieser Blick war es, der den alten Mann ergriffen hatte* (H. Fallada. *Altes Herz geht auf die Reise*). Сложноподчиненные предложения такого рода допускают трансформации в форме простых предложений, но при их чтении выделенный элемент должен произноситься с ЭУ: *Es war P, der das getan hat — P hat das getan*. Что касается типографских средств акцентирования,

то наибольшее применение находят: восклицательный знак, подчеркивание, изменение насыщенности шрифта (полужирный или жирный), изменение размера шрифта, замена строчного начертания прописным, разрядка, цвет печати, курсивный или наклонный шрифт.

Итак, даже далеко не полный анализ существующих в немецком языке акцентуаторов на разных уровнях языка позволяет сделать следующие выводы. Акцентирование — это функциональный, речевой, коммуникативно-прагматический феномен, имеющий не только специфическое формальное выражение, но и специфическое референциальное значение. Семантика акцентирования включает в себя следующие семантические множители: выделение, подчеркивание, подтверждение, идентифицирование (именно А), противопоставительность и корректировка (*а не...*, *а...*, *вопреки ожиданию, предположению, утверждению*), высокая степень, экстраординарность. При реализации акцентирования названные семы могут выступать во взаимодействии, а иногда и порознь, что зависит от характера акцентуаторов. Семантической доминантой и константой акцентирования является сема «подчеркивание». Чаще всего акцентирование носит противопоставительно-корректирующий характер. Акцентирование присуще высказываниям потенциально: его реализация зависит от интенций говорящих и от конституативных условий коммуникации. Оно базируется главным образом на противопоставлении утверждаемой истинной точки зрения говорящего некоторой ложной, которая предвосхищается им (предсуппонируется) или же высказана собеседниками. Основным семантическим свойством акцентирования является привнесение добавочной имплицитной информации и утверждение одной из ограниченного числа вариантов, соответствующих действительному положению вещей. Акцентирование — это уникальное явление, т. к. оно, подчеркивая и выделяя наиболее важные с точки зрения говорящего элементы предложения, позволяет производить на основе одной синтаксической структуры с тождественным лексико-грамматическим материалом целый ряд высказываний с различными коммуникативно-прагматическими интенциями. Акцентирование с разной частотностью встречается во всех функциональных типах речи, оно может сопровождать любой коммуникативный тип высказываний и все виды речевых актов. Акцентирование — это полифункциональная дискурсная категория, указывающая на зависимость акцентированных фраз от предшествующего контекста, особый аспект многогранной категории актуального членения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972, М., 1973.
2. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
3. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 291.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 44.
5. Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 177.
6. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1982. С. 247.
7. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. 10—11.
8. Николаева Т. М. Актуальное членение — категория грамматики текста // ВЯ. 1972. № 2. С. 52.
9. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982. С. 3.
10. Grundzüge einer deutschen Grammatik. 2-te Aufl. Berlin, 1984. S. 854.
11. Шевякова В. Е. Современный английский язык. М., 1980. С. 75.
12. Шевченко Т. А. Фразовое ударение в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

13. Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1971. S. 97.
14. Schmerling S. F. Aspects of English sentence stress. Austin — London, 1976.
15. Helfrich H. Satzmelodie und Sprachwahrnehmung. Berlin — New York, 1985.
16. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
17. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // ВЯ. 1956. № 5.
18. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 98—99.
19. Лаптева О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения // ВЯ. 1972. № 2. С. 41.
20. Костунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
21. Trojan F. Satzbetonung und Satztheorie // Muttersprache. 1961. Bd. 71. S. 265.
22. Bolinger D. L. Contrastive accent and contrastive stress // Language. 1966. N 1. V. 37.
23. Leech G., Svartvik J. A communicative grammar of English. Moscow, 1983. P. 155.
24. Fuchs A. «Normativer» und «kontrastiver» Akzent // Lingua. 1976. № 3—4. V. 38.
25. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A university grammar of English. Moscow, 1982. P. 353.
26. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. II. М., 1982. С. 290.
27. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. С. 85.
28. Dahl O. Topic and comment. A study in Russian and general transformation grammar // Acta universitatis Gothoburgensis. Göteborg, 1969. P. 8.
29. Harweg R. Die textologische Rolle der Betonung // Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971.
30. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1965. С. 93.
31. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
32. Димитрова С. Актуализация предложения и ее зависимость от представления говорящего о степени осведомленности адресата // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 535.
33. Helbig G., Kötz W. Die Partikeln. Leipzig, 1981.
34. Sušinskij I. I. Die Steigerungsmittel im Deutschen // Deutsch als Fremdsprache. 1985. № 2. S. 95.
35. Doherty M. Epistemische Bedeutung // Studia grammatica. 23. Berlin, 1985.
36. Сушинский И. И. О функциях акцентуаторов // ФН. 1984. № 4.
37. Никольская Т. М. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 52—53.
38. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
39. Helbig G. Die deutschen Modalwörter im Lichte der modernen Forschung // Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache. Bd. 1. Leipzig, 1981.
40. Firbas J. On the interplay of prosodic and nonprosodic means of functional sentence perspective // The Prague school of linguistics and language teaching. L., 1972.
41. Beneš E. Die funktionale Satzperspektive (Thema-Rhema-Gliederung) im Deutschen // Deutsch als Fremdsprache. 1967. № 1. S. 25.
42. Крушельницкая К. Г. О порядке слов в немецком языке // ИЯШ. 1957. № 1. С. 8.
43. Домашнев А. И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967.
44. Лейкина Б. М. К проблеме соотношения залога и коммуникативного членения // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 129.
45. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981. С. 89.
46. Sušinskij I. I. Intensivierungssätze in der deutschen Sprache der Gegenwart // Deutsch als Fremdsprache. 1981. № 3. S. 142.
47. Jespersen O. A Modern English grammar on historical principles. L., 1961. P. 147—148.
48. Ahlsson L. E. Hervorhebung durch Umschreibung mit dem Verb sein im heutigen Deutsch // Studia Neophilologica. 1969. V. 41. S. 307.
49. Motsch W. Ein Typ von Emphasesätzen im Deutschen // Vorschläge für eine strukturelle Grammatik des Deutschen/Hrsg. von Steger H. Darmstadt, 1970. S. 88.